

Михаил Богатов

На один шаг ближе к Платону:
Платоновский сборник. Т. I–II. М.-СПб.: РГГУ-РХГА, 2013*

Всё, что происходит сегодня в сфере науки (пока ещё неотделимой от сферы образования) можно поделить на две неравнозначные (как по привлечённому общественному вниманию, так и по значимости для дела самой науки) рубрики. С одной стороны — и это находится в самом средоточии всевозможных обсуждений, толкает на немедленное или медленное принятие решений, будоражит не столько умы, сколько просто вызывает эмоции — попытки, предпринимаемые со стороны учёных, подстроиться под требования экономического диктата «эффективности», «модернизации» и пр. Вряд ли что-то из подобных поделок останется на хоть сколь-нибудь долгое время в смысле парадигмы (образца, эйдоса), которая будет продуктивна для развития науки. Это — сиюминутные вещи, уходящие и теряющие значимость ещё быстрее, чем придут к окончательной формулировке. Эта сфера — затрагивает всех, но это вынужденное приглашение в ангажированность иллюзорно.

* Ср. рецензию на это же издание: С.В. Никоненко. Платоновский сборник // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. № 4. Том 2. Философия. СПб., 2013. С. 289–290.

С другой стороны — вопреки тому, что отвлекает внимание эффектом раздражения зрения, слуха и ума — всё меньше и реже, но продолжают выходить академически значимые, фундаментальные работы. Последние (их можно сосчитать по пальцам) — результат длительных размышлений, вызреваний мысли, внимательного чтения и интеллектуальной работы, не направленной ни на что, кроме интереса к самой философии. Бескорыстного и потому настоящего. Если говорить по-аристотелевски — речь идёт о произведениях «ката схолэ», от почти уничтоженного досуга, только и движущегося вечным, единственно достойным внимания. Но здесь будут говорить не по-аристотелевски, а по-платоновски. Ежели сбавить тон, то можно было бы, продолжая известное высказывание Альфреда Уайтхеда, сказать, что философия продолжается, потому как сама понимает свою зависимость от платоновского наследия, не позволяет себе быть без того, чтобы пройти по перипату Академии. Задача, надо сказать, не столь уж и простая. Кажется, что со временем (если полагаться на теории прогресса) с Платоном должно становиться всё проще и проще — мы становимся изощрённее в своих текстологических, лингвистических, дискурсивных и иных анализах текстов, и тема вскоре должна закрыться. Но происходит, как ни странно, обратное: чем больше мы прилагаем усилий к тому, чтобы поставить точку в платоновских вопросах, тем больше, подобно головам Гидры, их возникает.

Ситуация с Платоном в российском гуманитарном знании — отдельная, пока не особенно исследованная тема, которая могла бы привлечь внимание социологов знания. Но даже не проводя специальных полевых наблюдений, можно привести некоторые существенные характеристики этой ситуации — хотя бы в нескольких штрихах. Если с любым из философов XX века, особенно второй его половины, которые ещё не включены в стандарты типовых рабочих программ по тем или иным дисциплинам, дело обстоит более или менее благополучно и они находятся в положении «добровольного цитирования», а именно: их исследуют

по собственному желанию больше увлечённые учёные, нежели преподаватели, которых учебные нагрузка и планы обязывают к этому, то с Платоном всё происходит с точностью до наоборот. В любом вузе страны, независимо от направления обучения и профиля, наступает «звёздный час Платона»: кто-нибудь обязательно должен студентам поведать о Платоне хоть слово, вкратце рассказать о его «основных идеях» (как правило — через призму «теории идей»), включая стандартные наборы из «Апологии» (Сократ исторический и Сократ платоновский), миф о пещере (включая критику тоталитаризма концепции «Государства»), возможно — «Пир» (люди-андрогины, любовь, античный гомосексуализм). Несмотря на то, что Платон — чрезвычайно неудобный для дидактических пересказов мыслитель, сам уделивший столь много внимания вопросам дидактики, но его включённость в историю философии, а последней — в курс философии, а последней — в гуманитарный блок любого направления, привела к тому, что Платона освоили, приладили — и место ему нашли. В силу профессиональной занятости каждый философ, являющийся ещё и преподавателем, просто обязан суметь изложить Платона хоть как-то, потому что спецкурсы по философии Платона в России — вещь довольно редкая, а в рамках основной программы на него в лучшем случае можно отвести лекцию-другую.

Отсюда, в отношении философии Платона, наблюдается первый эффект: он, со всем своим своеобразием и сложностями, так или иначе «проходим» каждым в аспекте беспроблемности и пересказываемости (к тому же, следует учитывать, что студентам-бакалаврам в подавляющем большинстве случаев философию преподают на первом или втором курсах, в то время как Платон не советовал заниматься философией раньше пятидесяти).

Вторую особенность положения философии Платона в России можно было бы без труда вывести из недавнего советского прошлого: официальное разрешение и допущение до Платона, дающее своеобразную монополию на репрезентацию способов говорить и думать о нём, имели не многие, но те, кто имел — да-

же против своей воли — транслировались массовому образованному читателю чуть ли не в режиме «единственно верной точки зрения». Платон до сих пор у большинства преподавателей старшего поколения (не преминувших передать свой опыт более молодым) ассоциируется с «теорией идей», провозвестником которой в России безусловно следует считать Алексея Фёдоровича Лосева. «Теория идей» — не эксклюзивное российское творение в отношении рецепции Платона, зато сама ситуация осуществления этой рецепции делает «теорию идей» (в неоплатоническо-лосевской интерпретации), а точнее — сведение философии Платона к ней, вчитывание на лекциях и вычитывание её на семинарах из всех её диалогов — эксклюзивной.

Здесь не время и не место подробно описывать — почему так произошло? — достаточно указать лишь на общеизвестные факты: голод по свободному мышлению (которое частично уплыло на философском пароходе, а частично — сгнуло в ссылках и/или было расстреляно) вкупе с навыком восприятия учений в модусе «единственно верных» — это далеко не весь перечень причин, по которым именно на Алексее Фёдоровиче, занимавшимся Платоном, и, даже точнее — неоплатонизмом, сконцентрировались столь «неплатонические» обстоятельства нашей собственной ситуации. «Теория идей», вычитываемая у Платона многими, в том числе и западными мыслителями, в России стала единственно вчитываемой в Платона теорией. Четырёхтомное академическое издание диалогов Платона¹ (плюс ещё один, ранний и лжеплатоновский том²) снабжено подробными комментариями, редуцирующими диалоги Платона к философии Лосева. Точнее: к лосевскому пониманию философии Платона (переиздание четырёхтомника, осуществлённое в Санкт-Петербурге с 2006-го по 2007-ой годы³, аккуратно воспроизводит эти комментарии, что, на наш взгляд, было совершенно верным решением; к сожалению, не на-

¹ Платон 1990–1994.

² Платон 1986.

³ Платон 2006–2007.

шёл продолжения проект билингвальной публикации диалогов с комментариями при участии и инициативе Юрия Анатольевича Шичалина — всё остановилось на «Федре» и «Апологии Сократа»⁴). В конечном итоге, за этой формой лосевской историко-философской, переводческой и комментаторской работы, скрывается довольно самобытная философская концепция. Но нас интересует сейчас другое обстоятельство, а именно то, что свободным интерпретациям, а также их столкновениям в мире мысли Платона это не очень-то и способствовало (с Аристотелем дела обстоят ещё хуже, но это — другая тема).

Отсюда второй эффект, который дополняет первый. Если Платона «надо» как-то пересказывать и «делать» бесппроблемным, то этому всячески способствует «теория идей» в версии Лосева.

Нельзя сказать, что ситуация с философией Платона целиком исчерпывается этими двумя эффектами. Во-первых, подобных эффектов можно было бы выявить гораздо больше. Во-вторых, так или иначе, в России выходили — в основном переводные — книги по философии античности, в том числе и платоновской философии, а потому инструментов (тем более при возможностях, предоставляемых всемирной паутиной) для свободного исследования Платона у современных российских философов достаточно. В самом конце 2013-го года всем нам — в этом отношении — был сделан подарок: ещё один повод «освободить Платона» — мыслить о нём свободнее, самим при этом приобретая соответствующий опыт свободы.

Совместными усилиями двух (московского и Санкт-Петербургского) издательств свет увидел «Платоновский сборник» — сразу в двух увесистых томах (499 и 510 страниц соответственно). Итак, перед нами более тысячи страниц других способов говорить о Платоне, нежели те, которые описываются вышеприведёнными эффектами.

Сам «Платоновский сборник» публикует материалы соответствующей конференции, состоявшейся осенью 2012-го года в Рос-

⁴ Платон 1989 и Платон 2006.

сийском государственном гуманитарном университете, но называть предлагаемые им тексты «материалами конференции» или «тезисами докладов» никак нельзя. Перед нами — статьи, большая часть из которых носит фундаментальный характер. Научными редакторами выступили *Ирина Протопопова, Ольга Алиева, Алексей Гараджа, Алексей Глухов, Александр Михайловский* и *Роман Светлов*. Сам «Сборник» разбит на соответствующие рубрики (всего — восемь). Далее нам хотелось бы пройти по структуре «Сборника», выделяя некоторые из имеющихся в нём статей (всего же в «Сборнике» представлены статьи 44-х авторов). При этом хочется отметить, что все до одной статьи (в том числе — и те, которые мы — за неимением места и времени — здесь не выделяем, иначе следовало бы писать ещё один, дополнительный том) тщательно выверены, и каждая из них, поднимая собственные вопросы и проблемы, справляется с поставленными задачами превосходно.

Прежде чем непосредственно перейти к краткому изложению содержания сборника, хотелось бы сделать ещё ряд любопытных наблюдений. Символично то обстоятельство, что сборник, открывающийся изложением положения мирового платоноведения на 2011-ый год (тогда была написана статья *Джеральда Пресса*), заканчивается текстом *Юрия Тихеева*, посвящённым А.Ф. Лосеву. Если *Пресс* ни разу не упоминает имя русского ученого, то Тихеев показывает, что, несмотря на отсутствие «обратной связи» с Европой, Лосев делал в отношении Платона приблизительно то же самое, что и вся Европа того времени. Кажется, что в самой символичности этой композиции есть особая ирония — хочется надеяться, что сегодняшние отечественные исследования античной философии не только актуальны по всем мыслимым меркам, но и найдут соответствующий отклик в мире. Платоновский сборник призван поспособствовать такому положению дел.

Каждый исследователь — будь то Платона, античной философии, философии, гуманитарных наук — найдёт в Сборнике что-то для себя. Перед нами — отличный инструмент, применение кото-

рого зависит от намерений и знаний того, кто собирается к нему прибегнуть.

О содержании сборника:

Первый том касается непосредственно текстов самого Платона и вопросов их изучения. В нём присутствуют такие разделы:

- Современные подходы к изучению и переводам Платона (Здесь, среди прочего, две замечательные переводные статьи *Джеральда Пресса*, специалиста по платоноведению, который знакомит российского читателя с эволюцией вопросов, обрабатываемых современными учёными к текстам Платона; кроме того, хочется отметить текст *Михаила Маяцкого* о роли словесности в философии, которая, кстати, в постановке своих вопросов далеко выходит за рамки философии Платона; и статью *Андрея Россиуса* о специфике имеющихся переводов Платона на русский язык на данный момент; кроме того, в разделе — текст *Андрея Серегина*, представляющий проблематику современного платоноведения через призму догматизма, антидогматизма и диалогизма).
- От «ранних» диалогов к «Филебу» (раздел начинается со статьи *Юрия Шичалина* о состоянии датировки трёх диалогов — «Апологии», «Менексена» и «Пира», далее следует текст *Ирины Мочаловой*, касающейся спора об идеях в контексте раннеакадемических дискуссий; *Светлана Караваева* обращается к «Филебу» как источнику исследования причин и начал у Аристотеля; о месте «Критона» в корпусе платоновских текстов — статья *Анастасии Золотухиной*; о столь популярном мифе о пещере, но с совершенно неожиданным подходом к нему — текст *Алексея Романова*; о диалектике восхождения и нисхождения, раскрытой через этос инобытия в «Федоне» — статья *Игоря Гончарова*).
- Элейские диалоги Платона (три автора раздела сконцентрировались на диалоге «Софист» — это *Ирина Протопопова*,

Ольга Алиева и Анна Елашкина; Игорь Берестов ставит проблему об элеатовских корнях некоторых апорий о «причастности» в первой части «Парменида»; *Марина Вольф* обращается к тезису Горгия «не-сущее существует», а *Мария Варламова* исследует деление сущего по Платону).

- Философия и риторика (поскольку сам Платон, имеющий неоднозначное отношение к софистике, не только применял её приёмы, но также развивал — в оппозицию ей и не без её помощи — собственную теорию языка и его применения, то в данном разделе четыре автора раскрывают риторический потенциал философии Платона — *Алексей Глухов* исследует свободную речь в «Горгии», *Рустам Галанин* — взаимоотношение риторики и философии в «Федре»; медицинские коннотации в контексте риторических размышлений Платона исследуются в статье *Адама Рота*, и, наконец, четыре эротических паттерна выявляет в сократических «логосах» *Алессандро Ставру*).

Второй том охватывает непосредственно примыкающие к исследованию Платона темы, вводя сами диалоги, а также затронутые в них вопросы, в более широкий исторический и теоретический аспект: каждый раздел здесь по своему наименованию уже достоин отдельного двухтомника и не одной конференции. Структура второго тома такова:

- «Язык, театр, поэзия» (раздел открывается фундаментальными размышлениями *Анатолия Ахутина* о том, как называется истина — платоновский вопрос рассматривается в свете Аристотеля, Гераклита и Хайдеггера; далее, *Вячеслав Вс. Иванов* обращается к ранним восточно-индоевропейским истокам терминов Платона; *Николай Гринцер* исследует соотношение платоновских этимологий с софистической теорией языка; *Нина Брагинская* в «Заметках о метафизической кровати» исследует смысловое пространство

понятия мимесиса; *Елена Алымова* обращается к «Елене» Еврипида в свете философских дискуссий V–IV вв. до н.э., беря персонажами для рассмотрения софистов, Сократа и Платона; место искусства и поэта в идеальном государстве исследует *Алёна Апаева*).

- «Платон и история» (раздел начинается с установления исторического и политического контекстов времен жизни Платона в статье *Игоря Сурикова*; *Роман Светлов* исследует элейское политическое искусство в аспекте платоновского «Политика»; *Ирина Солнцева* обращается к «финикийскому мифу» и рассказам Платона об афинском прошлом; *Даниил Дорофеев* завершает этот раздел предоставлением материалов семинара по «Пиру», рассматривающего последний как пространство коммуникации).
- «Неоплатонизм и раннее христианство» (раздел открывается статьей *Дмитрия Курдыбайло* об «умопостижимом месте» в метафизике Плотина; учению об анагогической молитве у Ямвлиха и Прокла, а также его рецепции в христианском платонизме посвящена статья *Валерия Петрова*; *Майя Петрова* обращается к вопросу о допустимости вымысла в философских рассуждениях, вызывающему споры между платониками и эпикурейцами — на примере макробиевского «Комментария на “Сон Сципиона”»; *Дмитрий Бирюков* исследует платоновское влияние в философско-богословской системе Климента Александрийского; *Филип Иванович* обращается к учению Дионисия Ареопагита о причастности).
- «Рецепция платонизма в европейской философии и культуре» (*Марианна Шахнович* открывает раздел статьей о полемике эпикурейца Колота с академиком; *Ованес Акопян* исследует в своем тексте тему Платона в эпоху Ренессанса — в перспективе примирения с Аристотелем; критике платонической гносеологии Фомой Аквинским посвящает тему сво-

ей статьи *Константин Бандуровский*; *Александр Марков* исследует особенности исторического синтеза в библейской экзегезе на примере аргументации Илариона Синаита, в котором слились контрреформаторские, византийские и античные мотивы; проблему памяти у Платона в виду монадологии Лейбница рассматривает *Константин Шевцов*; платоновского трансцендентализма касается в своем тексте *Валерий Семенов*; философии как эзотерического знания в изложении мифа о пещере — в связи с учением позднего Хайдеггера — посвящает свой текст *Александр Михайловский*; *Юлий Асоян* рассматривает понятие пайдеи у Йегера и Хайдеггера; завершает этот раздел статья *Юрия Тихеева*, поднимающая вопрос общеевропейского контекста платоноведческих исследований Алексея Лосева).

Литература

- Платон 1986 — Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986.
- Платон 1989 — Платон. Федр / Ред. греч. и рус. текста, вступ. ст., комм., хронологи. таблицы и указ. имен и наиб. употребит. терминов Ю.А. Шичалина. М.: Прогресс, 1989.
- Платон 1990–1994 — Платон. Собрание сочинений в 4-х т. / Общ. ред. Л.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; прим. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990–1994.
- Платон 2000 — Платон. «Апология Сократа» / Введение, греч. текст, комм., указатели Ю.А. Шичалина. М., ГЛК, 2000.
- Платон 2006–2007 — Платон. Собрание сочинений в 4-х т. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006–2007.